

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 902/904

ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

О.В. Мельникова, Г.П. Мягков

Рецензия на книгу: Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X – XX вв.): учебное пособие. – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – 264 с.

Ключевые слова: история и историография археологии, археология Волжской Булгарии, научные направления, научные школы, болгаристика, археологическое болгароведение, периодизации археологического изучения болгарских древностей.

Исторический опыт археологии важен для понимания перспектив ее развития, поскольку содержит обширные сведения об археологических коллекциях, постановке и решении конкретных проблем в изучении памятников, археологических культур, относящихся к различным эпохам и регионам. Он дает представление о развитии гипотез, их трансформации в концепции и научные теории, демонстрирует методы, определившие общее направление исследовательского процесса. Стиль научного мышления, смена парадигм, влияние социальных факторов на развитие археологии – все это значимо для осмысления современного состояния науки и определения путей ее развития. Поэтому сегодня история и историография отечественной археологии – актуальное направление развития археологической науки. Вызванное к жизни потребностями осмысления логики и перспектив исследовательского процесса, оно нуждается в обстоятельном изложении истории накопления конкретного знания, в выяснении общих закономерностей и ведущих тенденций археологического познания. Практически повсеместное оживление историко-научных и историографических исследований обнаруживает необходимость формирования особого понятийного аппарата, методологического и методического инструментария, способного не только выявить конкретные историографические факты, но и, вписав их в общую логику развития археологии, дать им объяснение.

В число пока достаточно редких работ в этом направлении входит учебное пособие К.А. Руденко «Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X – XX вв.)» [1]. Обращение к подобному предмету исследования – довольно рискованный шаг для любого ученого. Этот риск обусловлен отнюдь не субъективными способностями исследователя темы. Он имеет объективную

природу в самом развитии отечественной археологии, где господствует отношение к историографическим, историко-научным, методологическим, теоретическим исследованиям как вторичным, не составляющим существа предмета археологии.

Задуманная и выдержанная в жанре учебного пособия, работа К.А. Руденко является самостоятельным глубоким скрупулезным историографическим анализом развития археологии Волжской Булгарии. Соединенный с изучением социальных факторов, влиявших на интеллектуальные процессы развития археологии, смену общественных функций науки, он позволил автору создать целостную картину феномена «Археология Волжской Булгарии».

Волжская Булгария – весьма значимое социальное образование на периферии Европы – удостоилась упоминаний и в восточных, и в русских письменных источниках, нашла отражение в эпиграфических данных. Именно на их основе, как подчеркивает автор, сформировалось несколько гипотез об истории Волжской Булгарии. Дефицит исторической информации существенно восполнился в XIX – XXI вв. за счет активного использования познавательных возможностей археологических источников. История их изучения и историография Волжской Булгарии составили предмет исследования К.А. Руденко.

Автор основывает свое исследование на весьма серьезной источниковедческой базе. Им выделяется пять групп историографических и историко-научных источников: исследования, основывающиеся на данных письменных источников, работы, относящиеся к области лингвистики и нумизматики, историко-археологические сочинения, рецензии и делопроизводственные документы научных, просветительских учреждений.

Во введении автор весьма подробно и исчерпывающе представляет историографию изучения Волжской Булгарии, что позволило ему обосновать собственную периодизацию истории археологического исследования болгарских древностей, включающую четыре периода, выделенных на основании способа накопления сведений о болгарских памятниках. Кроме того, К.А. Руденко убедительно обосновывает периодизацию развития организационных форм болгаристики, связывая критерии выделения отдельных периодов с социально-политическими реалиями российского общества. Наконец, еще одна периодизация представлена в исследовании – периодизация историографии, в основе которой лежат фундаментальные методологические принципы, подходы, методы археологического исследования болгарских древностей.

Любое выделение качественно однородных промежутков в развитии археологии на шкале времени требует обоснованных критериев. Возникает соблазн выделения универсальных периодов, которые позволяли бы осмыслить опыт науки в тот или иной момент времени. Автор учитывает опыт создания авторитетных общенаучных периодизаций истории археологии, которые нередко порождали научную мифологию, определявшую содержание аналитического взгляда на опыт истории отечественной археологии. Н.И. Платонова в своем недавнем исследовании пришла к весьма интересному выводу о том, что «систему научных представлений нельзя рассматривать одномерно, в единой плоскости» [2, с. 20]. Периодизации, обоснованные К.А. Руденко, подтверждают этот вывод. Многослойность бытия науки, сложность ее структуры и связей позволяет объяснить наличие множества вариантов периодизации истории и историографии археологии, что и делает автор.

Все три предложенные периодизации коррелируют друг с другом. Они создают возможность трехмерного изучения археологического феномена Волжской Булгарии. Если учесть, что это первый опыт создания подобного рода взаимодействующих периодизаций, естественно, что читатель книги получает пищу для размышления как относительно хронологических рамок выделяемых периодов, так и относительно терминологии, посредством которой эти периодизации характеризуются.

Весьма интересным является выделение имперского периода в изучении болгарских древностей. Это новация по сравнению с обычно выделяемым в различных периодизациях дореволюционным периодом. Представляется, что подобного рода наименование периода более точно отражает сущность социальных факторов, влиявших на развитие российской археологии. Полагаем, что для периодизации археологического изучения болгарских древностей вполне возможно также выделение донаучного периода. Второй период, получивший у автора название «общественно-краеведческий», можно определить точнее исходя из российских реалий рубежа XIX – XX вв. как «общественно-родниоведческий». Период 40–90-х годов XX в., выделяемый как единый, даже применительно к такой специализированной сфере, как изучение болгарских древностей, совершенно очевидно, можно разделить по меньшей мере 70-ми годами. Эти же вопросы уместны и при знакомстве с авторским видением периодизации историографии болгаристики. Особенно это касается выделения и характеристики третьего периода – 10–30-е годы XX в. Очевидно, что социально-историческая парадигма стала внедряться в археологическую практику не в 10-е годы, а политизация археологических исследований последовала в послереволюционные годы.

Первая глава исследования «История археологического изучения болгарских древностей» посвящена подробной характеристике в соответствии с принятой автором периодизацией истории формирования болгарских археологических источников. Жанр учебного пособия позволил автору внутри каждого раздела выделить курсивом ключевые характеристики того или иного периода, структурировать анализ отдельного периода через хронологическую характеристику изучаемых памятников, выделить знаковые фигуры, с чьими именами связано накопление болгарских материалов. Ссылочный и справочный аппарат к разделу вызывает восхищение той скрупулезной работой, которую проделал К.А. Руденко по выявлению историографических источников разных эпох, написанных на разных языках, отразивших различные исследовательские стили. Реплики и комментарии автора, безусловно, полезны как для студента, осваивающего материал, так и для читателя-исследователя, поскольку автор, сталкиваясь с мнениями, суждениями разных ученых, позволяет читателю сформулировать собственное понимание болгарских древностей.

Важно отметить, что при характеристике каждого из выделенных периодов прослеживается генезис как территориального изучения болгарских древностей, так и хронологии и типологии этих объектов. Такие новации каждого периода методически точно выделены автором, что создает целостное представление о динамике изучения болгарских памятников. Кроме того, глава (впрочем, как и все последующие) может использоваться как вполне исчерпывающий справочник по археологии Волжской Булгарии.

Глава «История формирования и развития научно-исследовательских учреждений» имеет более широкое научное значение, соответственно, ее содержание может быть рассмотрено не только в контексте книги. Фактически ее изложение представляет собой социальную историю археологии в регионе в разные периоды, поэтому раздел вызовет интерес у всех, кто связан с изучением истории региональной археологии. Он раскрывает перипетии взаимоотношений разных исследователей, просветительских организаций, научных обществ.

Следуя принципам организации материала, примененным в первой главе, автор так же выделяет для читателя наиболее значимые явления, персоналии, направления деятельности различных учреждений и организаций. Причем характеристика их деятельности не ограничивается исключительно анализом болгарских древностей. В главе рассматриваются разного рода социальные практики: музейная, просветительская, культурно-образовательная деятельность. Особенно рельефно высвечиваются социальные функции археологии, выражающие в своей совокупности ее место в жизни общества и, соответственно, ее социальный статус. Не будучи постоянной величиной, этот статус выступает результатом сложного взаимодействия разнообразных факторов как научного, так и ненаучного характера, изменяясь в зависимости от меры способности археологии отвечать своими специфическими средствами на запросы времени.

Авторское видение целого ряда научных событий может вызвать противоречивое отношение современных исследователей археологии Волжской Булгарии, по-своему видящих и оценивающих роль и вклад конкретных учреждений и ученых в приращение научного знания. Это обнажает важную методологическую проблему историко-научных исследований в археологии, когда автор произведения одновременно выступает и как очевидец, и как участник исследуемых им научных событий¹.

Завершающая глава «Историография» – наиболее сложная для исследователя, поскольку предполагает рефлексию научных концепций, методов, подходов к археологическому изучению Волжской Булгарии. В ней рассматриваются разные образы археологической науки, сформировавшиеся как внутри научного сообщества под воздействием философских идей и идеологических воззрений своего времени, так и сквозь призму интеллектуальной истории. Это и история интеллектуалов «первого плана», которые создавали, обсуждали и пропагандировали различные познавательные идеи и методы их претворения в археологической практике и чей научный капитал в виде интеллектуальной экспансии находил отражение в научной мысли в провинции, и история идей, сформировавшихся в местной историографической традиции.

Осуществлять методологический анализ – не простая исследовательская задача, с которой автор рецензируемой работы успешно справился. Через анализ творчества отдельных ученых К.А. Руденко сумел реконструировать методологический инструментарий конкретных периодов развития археологического болгароведения, соотносить развитие последнего с различными научными течениями, подходами, научными школами, определить их специфику и значимость,

¹ Она достаточно остро проявила себя в творчестве А.А. Формозова и реакции археологического сообщества на его последние произведения (см. подробнее [3]).

выявить генезис решаемых научных проблем изучения истории Волжской Булгарии, услышать исследовательский «диалог» между учеными, работавшими в разные исторические периоды.

Автору удастся весьма компетентно и деликатно отнестись к анализируемому исследовательскому опыту, поэтому убедительно и аргументированно выглядят выделяемые К.А. Руденко научные подходы в изучении древностей Волжской Булгарии, а ее история предстает как самостоятельный раздел средневековой археологии. Следует адресовать автору и упрек в излишней скромности. Только однажды его собственные болгароведческие исследования упоминаются в тексте пособия, зато впечатляющий ссылочный аппарат позволяет говорить об авторе как о последовательном глубоком исследователе истории изучения болгарской археологии, интересующемся различными аспектами становления болгароведения: от историко-антропологической до фактологической составляющей. Между тем сам К.А. Руденко – авторитетный специалист в исследуемой им с историографических позиций области археологии.

Естественно, что не все оценки, особенно касающиеся современного состояния археологии Волжской Булгарии, приводимые автором, найдут поддержку в болгароведческом сообществе. Продуктивность той или иной гипотезы, открытого научного факта, предложенного исследовательского подхода осмысливается по прошествии определенного времени. Но несомненная ценность книги состоит в ее методологическом значении для историко-научных и историографических археологических исследований. Как никогда в археологической литературе последнего времени К.А. Руденко пристальное внимание уделяет решению проблемы структурирования исследовательского процесса в археологии. В археологии не сложилось четкого определения и общего понимания содержания основополагающих понятий, отражающих познавательные структуры в истории науки: научное направление, течение, движение, проблемная область, научная школа. Достаточно позднее оформление историографии и истории археологии в самостоятельный раздел науки привело к тому, что до недавних пор серьезной работы по изучению и выявлению научных школ, течений, направлений в археологии не велось, задача их специального изучения не ставилась. Не выработаны единые критерии классификации историографического материала применительно к этим понятиям – в конкретных исследованиях они часто используются без серьезного обоснования.

Полагаем, что К.А. Руденко впервые удалось применить важнейшие историографические понятия к целому разделу археологии, сделав их значимым познавательным инструментом исследования. Автор рецензируемой работы избрал удачный путь анализа истории археологии именно в этих категориях. Он предлагает свою «картину» этих явлений, хотя, безусловно, его видение можно оспаривать, признавая весьма убедительным характер авторской аргументации. В этом контексте автору следует адресовать вопросы: «Чем с точки зрения развития познавательных структур является сама болгаристика (или болгароведение)? Это проблемная область? Или раздел науки? Или движение в науке?».

Еще один интересный толчок к методологическим размышлениям дает авторская трактовка работ А.П. Смирнова как научной революции [1, с. 214]. В свое время В.Ф. Генинг (см. [4]) достаточно настойчиво (не без влияния Т. Куна)

пытался через эту категорию осмыслить исторический путь советской археологии, но его попытки не нашли поддержки в археологическом сообществе. И вот ренессанс этого понятия применительно к историографическому процессу! Очевидно, что последний требует дальнейшего осмысления. Замечательно, что автор ставит перед читателем подобного рода вопросы. Надеемся, что они будут услышаны в археологическом сообществе и приведут к научной дискуссии.

Столь обширное и подробное исследование, несомненно, выиграло бы, если бы автор снабдил его иллюстративным материалом, в первую очередь портретами тех деятелей, чей исследовательский труд стал предметом рассмотрения в книге. Это было бы значимо для эмоционального воздействия, поскольку жанр учебного пособия позволяет автору свести своего читателя лицом к лицу с героями книги, что усилило бы восприятие излагаемого материала.

Вместе с тем, исследуя огромный объем источников, деятельность многих исследовательских институтов, творчество ученых не одного поколения, автор, естественно, не мог не упустить, а возможно, не мог представить из-за ограниченного объема учебного пособия материалы, исследование которых позволило бы вскрыть современные тенденции развития археологической науки.

Полагая, что работа заслуживает продолжения, что, по сути, изданная крайне незначительным (100 экз.) тиражом (но и за это следует поблагодарить Институт дополнительного образования и переподготовки специалистов СКС Министерства культуры РТ, на кафедре музейного дела и охраны памятников которого начиная с 2000 г. читается курс по историографии археологии Волжской Булгарии и который изыскал средства на издание пособия, столь важного для обучающихся в нем слушателей), требует переиздания, укажем на некоторые моменты и проблемы.

На наш взгляд, заслуживают уточнения оценка масштабов и результатов археологических болгароведческих изысканий последних десятилетий¹. Спорен тезис о «тенденции к корпоративности и замкнутости болгаристики в рамках республиканских исследований» в 90-е годы [1, с. 78]. Именно в эти трудные годы, когда – здесь автор совершенно прав – сокращалось бюджетное финансирование археологических экспедиций и значительная часть работ археологов стала носить охранно-спасательный характер, когда разрывались традиционные научные связи на постсоветском пространстве [1, с. 73, 78 и др.], открылись и реализовались новые возможности по выходу археологов на международную арену, их участия в ряде конференций с широким международным представительством, были установлены плодотворные контакты с зарубежными учеными. Наши рассуждения на эту тему связаны с тем, что на современном этапе как

¹ Вряд ли верно оценивать как «небольшие по объему» раскопки на Кожаевском селище [1, с. 74], определять как «незначительные» исследования Билярского городища [1, с. 75]. Укажем: на Кожаевском селище М.М. Кавеевым было исследовано около 1500 кв. м площади памятника. Из ежегодных отчетов по итогам археологических практик студентов-историков Казанского университета в 1990-е – 2000-е годы, публикаций ученых, проводивших исследования Билярского городища и расположенных вокруг селищ (см. [5]), видится весьма впечатляющая картина. В ходе раскопок городища в 1989–1994 гг. и 1998 г. была вскрыта площадь 268 кв. м, открыты гончарная мастерская по производству поливной керамики, «алхимическая» мастерская; важные результаты были получены в ходе изучения в 1998–2004 гг. Билярского II селища XI–XIII вв. (руководитель – Е.А. Беговатов, вскрытая площадь – не менее 400 кв. м). Масштабная разведка была проведена в 1995 г. по маршруту строящейся автодороги на Святой ключ (вскрыто 168 кв. м); с 1998 г. по настоящее время ведутся раскопки Торецкого поселения XV в. (руководитель – С.И. Валиулина, исследованная площадь – 4120 кв. м).

никогда важно налаживание деловых отношений между академической и университетской наукой. Сам автор, явно представляющий академическую науку, делает созданием учебного пособия шаг в указанном направлении. Но о движении в этом же направлении можно судить и по тому, как активно участвуют университетские кафедры (Казанского, Удмуртского и других университетов) в организации и проведении археологических исследований, конференций и иных научных мероприятий совместно с исследовательскими институтами РАН, АН РТ, Удмуртским институтом истории, языка и литературы (УрО РАН), а также и по опыту работы университетских археологических музеев. Разумеется, последние, в том числе и Археологический музей КГУ, выполняют не «только учебные функции...» [1, с. 133]. В их фондах, помимо учебных, содержатся реальные археологические коллекции, что отмечено и автором. Они выполняют важную воспитательную миссию¹.

При работе над новым изданием книги (а его необходимость очевидна для рецензентов) в нее следует внести ряд уточнений: терминологических², фактических³, а также касающихся данных о времени проведения археологических изысканий, о приоритете ученых в ряде открытий⁴.

Книга К.А. Руденко, отмеченная авторской эрудицией, критическим взглядом, исследовательской глубиной, без сомнения, заметное явление в историографическом процессе археологии. По существу, это труд не только об археологии Волжской Булгарии, но и об истории казанской археологии – важнейшего очага российской провинциальной археологии, сыгравшего и продолжающего играть заметную роль в формировании исследовательских традиций в науке.

Небольшой тираж учебного пособия, повторим, естественно, сужает круг читателей, среди которых, конечно, не только студенты доктора исторических

¹ Значительную часть фонда Археологического музея Казанского университета составляют монографические коллекции, в том числе уникальные, единственные в мире (кобанская бронза, Тураево, Тиганы, Биляр, Торевское и др.). Вопреки мнению автора, фонды музея постоянно пополняются: на начало 2000-х годов коллекционный фонд составляли 310 коллекций против 218 в 1978 г. Работать с этими коллекциями приезжали известные российские и зарубежные ученые. За последние годы с ними работали Ю. Кальмер (Германия, Швеция), Д.Я. Телегин (Украина), Каталин Силаги (Венгрия), Иштван Фодор (Венгрия), А.Н. Кирпичников (Санкт-Петербург), С.В. Кузьминых (Москва), Анне Стальсберг (Норвегия), Т.В. Гусева (Нижний Новгород), Ю.А. Зеленев (Йошкар-Ола), Т.Б. Никитина (Йошкар-Ола), В.В. Никитин (Йошкар-Ола), В.В. Мурашова (Москва), Н.В. Енисова (Москва), Ласло Ковач (Венгрия), Аттила Тюрк (Венгрия), Алан Корвалански (Венгрия), Ю.А. Семькин (Ульяновск), Тетсуя Аmano (Япония), В.Ю. Коваль (Москва), И.В. Волков (Москва), В.А. Иванов (Уфа), Л.Д. Макаров (Ижевск), С.А. Васильев (Санкт-Петербург), Н.А. Кокорина (Москва), М.Д. Полубояринова (Москва) и др.

² Речь должна идти о методах естественно-научных, а не естественно-вспомогательных [1, с. 133].

³ Основным руководителем XXXVIII раскопа Билярского городища являлся проф. А.Х. Халиков (ср. [1, с. 69]); проект экспозиции Археологического музея КГУ был подготовлен в начале 1978 г. А.Х. Халиковым и С.И. Валиулиной при общем научном руководстве А.Х. Халикова (ср. [1, с. 132]. Добавим: в архиве университета сохранились проекты Археологического музея, составленные Н.Ф. Калининным); раскопки Тураевских курганов проводил не А.Х. Халиков, а В.Ф. Генинг, Больше-Тиганского могильника – Е.А. Халикова и А.Х. Халиков, Больше-Тарханского могильника – В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков, Танкеевского могильника – Е.П. Казаков, Е.А. Халикова (ср. [1, с. 132–133, 238–239]).

⁴ Так, автор, указывая на решение Е.П. Казаковым вопроса о хронологической границе существования Больше-Тиганский могильника [1, с. 238], данное им в 1992 г. (см. [6]), не учитывает, что А.Х. Халиков верхнюю хронологическую границу его существования определял началом X в. В 1980 г. на памятнике было исследовано погребение № 65 и обнаружена монета 900 г. – саманидский дирхем Исмаила ибн-Ахмеда, чеканенный в 287 г. хиджры (определение А.Г. Мухамадиева). Началом X в. датируются и другие материалы могильника: стеклянные бусы, железная поясная гарнитура и т. д. Первоначально могильник датировался VIII – IX вв. После открытия поздней группы погребений, в том числе погребения № 65, А.Х. Халиков в 1984 г. расширил время функционирования могильника до начала X в. и обосновал новую датировку (см. [7]).

наук К.А. Руденко, но и его коллеги-археологи, которых автор, несомненно, стимулирует к новым изысканиям. Однако это не снижает значимости научного воздействия идей, изложенных автором рецензируемой книги, как на развитие историко-научного и историографического направлений в современной археологии, так и на развитие болгаристики, ибо историография – это взгляд научного сообщества на самого себя с целью развития науки. Бесспорно, учебное пособие выполнит и свою обучающую и воспитательную миссию в заведениях профессионального образования, поскольку дает исчерпывающую картину многовекового изучения истории Волжской Булгарии.

Summary

O.V. Melnikova, G.P. Myagkov. Achievements and Problems in Studying Archaeology of Volga Bulgaria.

Review of the book: Rudenko K.A. *Arkheologiya Volzhskoy Bulgarii. Istoriografiya i istoriya izucheniya (X – XX veka)* (Archaeology of Volga Bulgaria. Historiography and History of Study (10th – 20th Centuries)). – Kazan: Respublikanskiy Izd. Tsentr «Shkola», 2008. – 264 p.

Key words: history and historiography of archaeology, archaeology of Volga Bulgaria, scientific fields, scientific schools, study of Volga Bulgaria, archaeological study of Volga Bulgaria, periodization of the archaeological study of the Volga Bulgarian antiquities.

Литература

1. *Руденко К.А.* Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X – XX вв.): учебное пособие. – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – 264 с.
2. *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России (последняя четверть XIX – первая треть XX вв.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб, 2008. – 52 с.
3. *Мельникова О.М.* Уроки А.А. Формозова // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009): сб. / Сост. М.В. Андреева, С.В. Кузьминых, Т.Н. Мишина. – М.: Гриф и К, 2010. – С. 527–538.
4. *Генинг В.Ф.* Проблемные ситуации и научные революции в археологии // Проблемная ситуация в современной археологии. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 26–84.
5. *Валиулина С.И.* Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. – М.: ГИМ, 2000. – Вып. 122. – С. 273–285.
6. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.
7. *Халиков А.Х.* Новые исследования Больше-Тиганский могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней родине) // Проблемы археологии степей Евразии: Советско-венгерский сборник. – Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1984. – С. 182–192.

Поступила в редакцию
12.11.09

Мельникова Ольга Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета.

E-mail: lvovich@udm.ru

Мягков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: gmyagkov@yandex.ru